

Научная статья

УДК 81-112

DOI: 10.18384/2949-5008-2026-3-8-26

«ТЕРПЕНИЕМ СТЯЖАЙ НАУКУ...»

АЛЕКСАНДР ХРИСТОФОРОВИЧ ВОСТОКОВ И ЕГО ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИСКАНИЯ (К 245-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Никитин О. В.

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: olnikitin@yandex.ru

Поступила в редакцию 10.03.2026

Принята к публикации 19.03.2026

Аннотация

Цель. Проанализировать эпистолярное и научное наследие А. Х. Востокова с целью рецепции его идей в современной лингвистической теории и практике, выявить наиболее ценные достижения учёного в компаративистике и лексикографии, определить историческое место его личности в формировании отечественной языковедческой традиции.

Процедура и методы. Биографические факты соотносятся с научными идеями и открытиями. На основе редких документов описаны филологические искания учёного, которые шли в русле нового направления в лингвистике – компаративистики. Указываются отличия русской ветви сравнительно-исторического языкознания от западноевропейской. Отмечается самобытность творчества А. Х. Востокова, опережавшего своё время. Подчёркивается, что несмотря на невозможность занятий преподавательской работой, учёный подготовил несколько грамматик, ориентированных на практическое изучение языка. Говорится об особом интересе лингвиста к проблеме источниковедения. Характеризуется его вклад в словарное дело. Анализируются забытые труды А. Х. Востокова по славистике. В процессе исследования применяются филологический, сравнительно-исторический, описательный, лексикографический, лингвоперсонологический методы.

Результаты. Привлечены новые источники и переосмыслены идеи А. Х. Востокова по широкому спектру филологических проблем. Основной акцент делается на необходимости изучения архива учёного и его наследия в филологическом и культурно-историческом отношениях. Исследование доказывает актуальность лингвистического богатства А. Х. Востокова в современном языкознании.

Теоретическая и/или практическая значимость. Представленный в статье материал уточняет проблематику сравнительно-исторического языкознания, акцентирует внимание на малоизвестных теоретических подходах и достижениях А. Х. Востокова, получивших позднее развитие в лингвистике XIX–XX вв. В контексте практического применения особенно важны разработки учёного в области лексикографического описания языка и его интерес к изучению письменных памятников. В этом смысле идеи и методологические подходы А. Х. Востокова могут использоваться в лингвистическом источниковедении, палеославистике, словарной и архивной практиках.

Ключевые слова: грамматика, история лингвистических учений, лексикография, памятники письменности, славистика, сравнительно-историческое языкознание, этимология, языковая личность

Для цитирования:

Никитин О. В. «Терпением стяжай науку...» Александр Христофорович Востоков и его лингвистические искания (к 245-летию со дня рождения) // Отечественная филология. 2026. № 3. С. 8–26. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-3-8-26>.

Original research article

“IT IS THROUGH PATIENCE THAT YOU ATTAIN SCIENCE...”

ALEXANDER KHRISTOFOROVICH VOSTOKOV AND HIS LINGUISTIC PURSUITS (ON THE 245TH ANNIVERSARY OF HIS BIRTH)

O. Nikitin

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

e-mail: olnikitin@yandex.ru

Received by the editorial office 10.03.2026

Accepted for publication 19.03.2026

Abstract

Alm. To analyse the epistolary and scientific heritage of A. Kh. Vostokov to receive his ideas in modern linguistic theory and practice, to identify the most valuable achievements of the scientist in comparative studies and lexicography, to determine the historical place of his personality in the formation of the national linguistic tradition.

Methodology. Biographical facts correlate with scientific ideas and discoveries. Based on rare documents, the philological searches of the scientist are described, which were in line with a new trend in linguistics – comparative studies. It talks about the differences between the Russian and Western European branches of comparative historical linguistics. The originality of A. Kh. Vostokov's innovative work is noted. It is emphasized that despite the impossibility of teaching, the scientist has prepared several grammars focused on practical language learning. It is said that the linguist has a special interest in the problem of source studies. His contribution to lexicography is noted. The article analyses the forgotten works of A. Kh. Vostokov on Slavic studies. The research uses philological, comparative-historical, descriptive, lexicographic and linguo-personological methods.

Results. New sources are involved and the ideas of A. Kh. Vostokov on a wide range of philological problems are rethought. The main emphasis is placed on the need to study the archive of the scientist and his legacy in philological and cultural-historical relations. The study proves the relevance of A. Kh. Vostokov's linguistic wealth in the modern linguistics.

Research implications. The material presented in the article clarifies the problems of comparative historical linguistics, focuses on the little-known theoretical approaches and achievements of A. Kh. Vostokov, which were later developed in linguistics of the 19th–20th centuries. In the context of practical application, the scientist's developments in the field of lexicographic description of language and his interest in the study of written monuments are especially important. In this sense the ideas and methodological approaches of A. Kh. Vostokov can be used in linguistic source studies, paleoslavistics, vocabulary and archival practices.

Keywords: history of linguistic studies, comparative historical linguistics, Slavic studies, lexicography, etymology, manuscript sources, grammar, linguistic personality

For citation:

Nikitin, O. V. (2026). “It is through Patience That You Attain Science”. Alexander Khristoforovich Vostokov and His Linguistic Pursuits (On the 245th Anniversary of His Birth). In: *Russian Studies in Philology*, 3, 8–26. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-3-8-26>.

Введение

Удивительная личность Александра Христофоровича Востокова (1781–1864), самобытного филолога, поэта, тонко чувствовавшего интонацию слова, и слависта, влюблённого в древние памятники

письменности, и сейчас вызывает интерес у исследователей. Одной из причин этого является многогранность языковой личности учёного, словно перескочившего из «философического» восемнадцатого века в лингвистический девятнадцатый. Он при

всей своей природной скромности смог показать возможности филологической науки как главной духовной нити русской истории, связал её генетические корни с культурным наследием. От А. Х. Востокова расходятся благодатные тропинки во многие отрасли знания: от стиховедения и фольклористики до теории и практики грамматических учений, лексикографии, диалектологии, палеославистики, этимологии. Во всех отмеченных областях он был первопроходцем, если не считать грамматический век Адогурова – Ломоносова – Барсова, заложивших фундамент этой науки как новый лингвистический закон. Гениальной интуицией, огромным трудолюбием и включённостью в основные события золотого века русской филологии А. Х. Востоков нащупал самое главное: *исторический* подход к анализу языковых явлений стал стержневым методом новой эпохи. Всё или почти всё у него проходит через это осмысление текста – памятника – словесного пространства.

Рис. 1 / Fig. 1. А. Г. Варнек. Портрет А. Х. Востокова (1804) / A. Kh. Vostokov. Portrait by A. G. Varnek (1804)

Источник: Воскресный день [Электронный ресурс]. URL: <https://vsdn.ru/museum/catalogue/exhibit12612.htm> (дата обращения: 09.02.2026).

Между тем в лингвистическом наследии А. Х. Востокова для нас много любопытного. Прежде всего он интересен как славист-компаративист, проникший в

древности («Остромирово Евангелие») и установивший ряд звуковых и морфологических открытий, которыми пользуются и в XXI в. Его тщание к созданию научной лексикографии поражает. Здесь он выступил родоначальником трёх лингвистических течений: учёный стоял у истоков создания диалектных, исторических и этимологических словарей русского языка. Грамматические штудии А. Х. Востокова менее заметны на фоне его крупных достижений в сравнительно-историческом языкознании, но они значимы как факты лингвометодической традиции. В то время, когда А. Х. Востоков создавал свои учебники, ещё происходила педагогическая борьба между старым, «греческим» (как в шутку называли Н. И. Греча и его взгляд на практическую грамматику), подходом с его логицизмом и оторванностью от исторических корней и новым – буславским, показавшим иные возможности изучения языка как историко-культурного феномена.

Кроме того, архивное наследие А. Х. Востокова в том виде, в котором его описали И. И. Срезневский и В. И. Срезневский [1], до сих пор находится под спудом забвения и практически никак не исследовано. В нём-то и кроется ещё одна филологическая тайна патриарха славистики, раскрыть которую предстоит нынешнему или будущему поколению филологов (мы имеем в виду фундаментальный этимологический словарь, оставшийся в рукописи, и другие весьма интересные работы учёного, свидетельствующие об энциклопедичности и неординарности его языковой личности, откликавшейся на всё необычное, новое).

В кратком очерке мы расскажем о тех идеях и достижениях А. Х. Востокова, которые и ныне могут вызвать интерес у просвещённой аудитории. Как бы далеко от нас ни находился легендарный филолог, его время пересекается с нашим, и эта герменевтика воспитывает в нас не только чувство безмерного уважения к первопроходцам, но и помогает нам сохранить культурную традицию. Пока живут в памяти А. Х. Востоков, И. И. Срез-

невский, Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов, Д. Н. Ушаков, А. М. Селищев и другие подвижники, не прервётся связь времён – мы будем ощущать себя по духу русскими людьми и не потеряем своего национально-лингвистического кода – языка.

Рис. 2 / Fig. 2. К. П. Беггров. Портрет А. Х. Востокова (1824) с рисунка художника М. И. Белоусова (1821) / A. Kh. Vostokov. Portrait by K. P. Beggrov (1824) based on a drawing by M. I. Belousov (1821)

Источник: Виртуальный русский музей [Электронный ресурс]. <https://ruseumvrm.ru/data/collections/engraving/gr.-24697/index.php> (дата обращения: 09.02.2026).

Парадоксы биографии А. Х. Востокова: лингвистические реминисценции

Необычная судьба А. Х. Востокова как будто уже предопределила его будущее... «До 7 лет возраста моего, – писал он, – я не имел фамилии (будучи незаконнорождённым). Перед отправлением меня из Ревеля, где я жил, в Петербург придумали мне фамилию; er soll Osteneck heissen: так написано было в письме, которое получила воспитательница моя от отца моего из Аренсбурга. Не знаю, почему-то эта фамилия мне с самого начала не понравилась [,] и я никогда не мог к ней привыкнуть. Сие было главною причиною, побудившею меня издать в свет первые сочинения мои под вымышленным прозванием Востоков» [1, с. 40]. Однако путь к «русскому Востокову» оказался не таким простым: учёный колебался и не сразу пришёл к согласию изменить фамилию.

Вот как он об этом вспоминал: «Я продолжал, однако ж, ещё долго после того и в житейских отношениях, и в делах службы прозываться по-прежнему Остенеком, не осмеливаясь сам собою переменить фамилии. Но вымышленная мною для сочинений моих русская фамилия мало-помалу совсем вытеснила из употребления немецкую, так что меня даже и по гражданской службе в комиссии составления законов стали писать Востоковым. Тогда уже и я сам не усумнился обменять немецкую вымышленную фамилию, к коей ничто меня не привязывало, на русскую, под коею я стал известен...» [1, с. 40].

Начальные годы жизни и деятельности А. Х. Востокова были связаны не с филологией: в 1788–1794 гг. он обучался в Сухопутном кадетском корпусе, а затем – архитектуре в Академии художеств «и выпущен оттуда в 1800 г. с оставлением при Академии на три года пансионером для усовершенствования в художестве своём» [1, с. 47]. При этом В. И. Срезневский подчёркивал, что А. Х. Востоков «имел однако же всегда более охоты к словесным наукам» [1, с. 47]. Поэтому позднее определился «подбиблиотекарем и переводчиком» [1, с. 47].

Любопытный факт находим в его дневниковых записях кадетского времени. Оказывается, А. Х. Востоков «со товарищи» придумали свой тайный язык и использовали его в переписке и общении (см. примечания В. И. Срезневского: [1, с. 16]). Там же мы встречаем слово *остенекизм*: «В рекреационном зале... ходим с Ивановым во время обедни и полагаем начало остенекизму»¹ [1, с. 16]. В примечаниях В. И. Срезневский раскрыл этот лингвистический парадокс: «Слово “остенекизм” несомненно образовано от юношеской фамилии Востокова. Не берясь объяснить значения этого слова, считаю не лишним привести касающийся “остенекизма” или “утфипилизма” (так это слово изображалось в тайнописи) отрывок из письма Иванова к Востокову (хранится в библи-

¹ В подлиннике написано: утфипилизму; первая часть слова, очевидно, скрыта обычной тайнописью (примечание В. И. Срезневского. – О. Н.).

отеке Императорской академии наук): «С недавнего времени, читаем в письме, по случаю возымел причину опасаться нашего утфипилизму [...] особенно когда дело касается до чего-нибудь такого!! Ныне во всем наблюдается строгое смотрение, посылки на почте расширяются и осматриваются, нет ли чего-нибудь запрещенного и так надобно остеречь... ох! Окарауливаться. Советую тебе кзишь (т. е. зжечь) мои и прошу позволения гюшисфох (т. е. вычертить) в твоих то, что мне захочется» (1800 г. 23 апреля)» [1, с. 62].

Сквозь строки лингвистических признаний юного А. Х. Востокова звучит и личная неудовлетворённость. Поиск своего пути был сопряжён для него с большими испытаниями. Он откровенно об этом писал в дневнике 1795 г.: «Август. Сентябрь. Октябрь. Ноябрь. Декабрь. Предавшись ремеслу архитектурному, я прозябал. Может быть, для того судьба оставляла меня так долго в сем бездействии и чувственной дремоте, чтобы приуготовлять к живейшим душевным наслаждениям. Много терпел прискорбного от окружающих меня людей и учился терпеть. – Учился терпеть, потому что не имел друзей и должен был заключать в себе грусть свою и радость» [1, с. 12–13].

Ещё в годы кадетства он начал сочинять стихи. В. И. Срезневский отмечал, что учитель русского языка и литературы в первом кадетском корпусе П. С. Железников «имел большое влияние на Востокова своею любовью к занятиям словесностью» [1, с. 51]. Филологическая же биография А. Х. Востокова началась с «Опытов лирических и других мелких сочинений в стихах...» (1805–1806), где он проявил свой поэтический дар. Позднее учёный изложил теоретические наблюдения в книге «Опыт о русском стихосложении» (2-е изд., 1817), которую надо признать одной из первых успешных попыток с литературоведческой стороны описать поэтику стиха.

И далее А. Х. Востоков не бросал занятий творчеством, где находил отдохновение своей филологической лире, в которой

умещались очень разные и притом оригинальные открытия: от «Рассуждения о славянском языке, служащего введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим онаго письменным памятникам» (1820) до переводов сербских песен, помещённых в «Северных цветах» в 1825 и 1826 гг. [1, с. 44], грамматик и словарей.

Рис. 3 / Fig. 3. Александр Востоков. Рисунок А. С. Пушкина на списке стихотворения «Дар напрасный, дар случайный...» (1828) / Alexander Vostokov. Drawing by A. S. Pushkin on a copy of the poem “A Vain Gift, a Random Gift...” (1828)

Источник: Несториана [Электронный ресурс]. URL: <https://nestoriana.wordpress.com/2013/04/12/neverbalniy-pushkin> (дата обращения: 09.02.2026).

Этимологические искания и другие лексикографические эксперименты А. Х. Востокова

В изданных В. И. Срезневским «Заметках А. Х. Востокова о его жизни» мы нашли интересные биографические сюжеты, рассказывающие о первых шагах будущего учёного на ниве филологии. Так, в феврале 1794 г. юный А. Х. Востоков «Брал у Железникова италийскую грамматику и твердил из неё кое-что» [1, с. 11], в январе 1795 г. – «занимаюсь переводами с французского» [1, с. 12]. В дневнике за май 1807 г. А. Х. Востоков записал: «С 13-го в понедельник стал ходить в Архив сенатской» [1, с. 22]. В мае 1808 г. он сделал такую помету: «В сем месяце начал приводить в порядок *Этимологическое словоросписание*. ... 31-го в воскресенье дописал лите-ру д; в тот же день и е. ... Июнь. ... 19-го в пятницу дописал лит[еры] ж, з, и *Этимолог[ического] словоросписания*» [1,

с. 24–25]. И далее, в июле – ноябре того же года, А. Х. Востоков занимался этой работой и подготовил литеры *к, л, м, н, о, п, р, с, т* [1, с. 26–27]. В декабре 1808 г. учёный написал: «15-го во вторник. Кончил последние буквы Этимологического росписания» [1, с. 28]. Из дальнейших записей видно, как А. Х. Востоков работал над этим трудом. В марте 1809 г. в дневнике читаем: «23-го кончил польской столбец в Этимол[огическом] росписании, трудившись над ним слишком три месяца»¹ [1, с. 29]. В мае того же года учёный сделал такую помету: «21-го в пятницу кончил аглинск[ой] столбец в Этимологическом росписании, трудившись над оным около двух месяцев»² [1, с. 30].

Судя по более поздним «конспектам», идея издать лексикон не покидала А. Х. Востокова. В декабре 1809 г. он «был у Оленина со своим изложением об этимологическом словаре. Он принял оное благосклонно и велел притти в пятницу за ответом» [1, с. 32]. Однако следующая встреча оказалась бесполезной, а посетив его в январе 1810 г., А. Х. Востоков с грустью написал: «...но о моей этимологии ничего» [1, с. 32]. Вместе с этим учёный занимался собиранием «песен и пословиц русских» [1, с. 32].

Впоследствии А. Х. Востоков так рассказывал о своих историко-лингвистических исканиях, связанных с составлением этимологического лексикона: «С 1808 года уже начал заниматься грамматическими и лексикологическими разысканиями, и по выходе в свет Линдева словаря стал выписывать из оного слова всех сл[овенских] диалектов, подводя оные под русский этимологический словарь, который я намерен был расположить по особому составлен-

ному мною плану. Я прочел таким образом первые три тома Линдева словаря, но принужден был отложить продолжение сего труда за разными препятствиями и отвлечениями» [1, с. 42–43].

В. И. Срезневский, работавший с бумагами А. Х. Востокова, замечал, что «Этимологическое словоросписание» А. Х. Востокова «должно было собою представить “Этимологический сравнительный словарь или глоссарий словено-русского и других единокоренных с ним языков европейских”», «т. е. не только польского, богемского и прочих славенских диалектов, но и немецкого, греческого, цельтского с их диалектами для показания различных степеней сродства между всеми сими языками и постепенного происхождения и переходения слов из одного языка в другой» [1, с. 76].

Почему словарь не был издан? Думаем, что дело не только в непонимании филологическим сообществом важности этого начинания. Эпоха создания таких словарей в России только зарождалась. Но и методологические принципы ещё не были разработаны. Отсутствовало чёткое понимание того, что такое словник, какие языки необходимо привлекать к анализу и т. д. Учёный во многом опередил своё время и шёл вровень с европейской лингвистической традицией в данном направлении. Этимологический лексикон до сих пор находится в бумагах А. Х. Востокова в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН и ждёт своего исследователя.

Более удачными с научной точки зрения оказались толковые словари. Уникальный опыт издания «Словаря Академии Российской» в конце XVIII в. подтвердил необходимость продолжения этой работы. А. Х. Востоков принимал участие в нескольких проектах.

«Словарь церковнославянского и русского языка» – большая веха в истории отечественной лексикографии. Начиная с идеи (А. С. Шишков, 1815 г.) до составления плана будущего словаря, вынесенного на обсуждение Российской Академии в 1827 г., и до завершения работы в 1847 г.

¹ В. И. Срезневский пояснял: «Каждая страница этого труда Востокова делилась на 8 столбцов: 1-й и 2-й он назначил для славенских языков, 3-й и 4-й – для немецких, 5-й – для греческого, 6-й – для латинского, 7-й – для кельтского, 8-й – для отметок и дополнений... Первоначально во 2-й славенский столбец он вводил только польские слова» [1, с. 80].

² В. И. Срезневский указывал в пояснениях, что «по терминологии Востокова» «аглинской столбец» означало «кельтский» [1, с. 80].

это был грандиозный тезаурус для того времени. Он насчитывал 114749 слов. А. С. Щекин справедливо отмечал в предисловии к его переизданию, что «такой результат был достигнут во многом благодаря тому, что Словарь 1847 г. включил лексику как современного составителям русского языка, так и древних памятников церковной и светской письменности XI–XVII вв., т. е. соединил в себе черты словаря и нормативного, и исторического».¹ А. Х. Востоков был постоянным редактором второго тома (З–Н) вместе с Я. И. Березниковым и разработал систему грамматической характеристики слов.² В книге указывалась принадлежность слова к определённой части речи и к грамматическому разряду, помещались дополнительные сведения и др. «Система грамматических характеристик чрезвычайно подробна, так, у каждого глагола обозначался вид; для глаголов совершенного вида, имеющих видовую пару, постоянно делались ссылки на соответствующие глаголы несовершенного вида, с учётом различия между приставками, изменяющими и лексическое, и грамматическое значение слова».³

В «Предисловии» помещён краткий очерк исторического развития языка, отмечены самые главные моменты его эволюции. Так, говорилось, что «язык наш, одна из отраслей индоевропейских, принадлежит к наречиям славянского племени».⁴ Второй важный пункт касался использования церковнославянского языка. Отмечалось, что с X по XVIII столетия он «в литургических книгах подвергался разновременным исправлени-

ям, которые[,] однако[,] не коснулись его своеобразности, и он сохранился до нашего времени как орган православной веры и богослужения...»⁵ Показательно, что учёные того времени различали церковнославянский и русский языки. Вот как об этом написано в «Предисловии»: «Церковнославянский язык и славяно-русское наречие, служившие орудиями веры, богослужения и проповеди, по самому существу своему оставались у нас наречиями книжными: в устах народа слышался другой язык, собственно *русский*».⁶ Этот языковой дуализм (а позже появился термин диглоссия) очень точно почувствовал и наш великий славист. Кажется, что его слова исходят из пламенной филологической души: «...В Древней Руси две стороны народного быта, духовная и вещественная, изображались различно: первая – языком церковнославянским с славяно-русским наречием, вторая русским; первые два вида были как бы священными, последний общественным, житейским. Церковнославянский и русский языки шли каждый особым путём, удерживая по возможности свою самобытность и не допуская иноземной примеси».⁷

О «Словаре» есть богатая литература, в которой подробно рассказано о многих нюансах его создания. До сих пор является спорным, стоило ли в него включать нецерковнославянские слова? Например: *алтын*, *альтист*, *амарант* и проч. И всё же даже в таком ключе его стоит рассматривать как культурно-исторический феномен, предвестник «Словаря» В. И. Даля и последующих лексиконов. Именно этот «Словарь» оказался в начале большой лексикографической традиции, которая живёт до сих пор.

Значение «Словаря церковнославянского и русского языка» в XXI в. сохраняется. При повышенном интересе к истории языка, издании многих старинных памятников и новых словарей лексикографическая практика XIX в. представляет собой

¹ Щекин А. С. Предисловие к репринтному изданию 2001 года // Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. Репринтное издание. Кн. I. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2001. С. 3.

² Там же.

³ Там же. С. 8.

⁴ Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. Репринтное издание. Кн. I–II. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2001. С. II.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. III.

⁷ Там же.

ценный источник по отбору и комментированию лексики. Статус церковнославянского языка ныне также обсуждается, а его роль как семиотического факта в богослужебной практике, исторической традиции сейчас особенно важна. Кроме этого, встают и другие вопросы, в решении которых без опыта А. Х. Востокова и учёных его поколения не обойтись: это принципы грамматического и семантического описания слова, соотношения нормы и узуса, влияние местных традиций на церковнославянскую книжность. Наконец, можно согласиться с А. С. Щекиным в том, что Словарь 1847 г. «заставляет ещё раз задуматься над краеугольным синкретическим понятием “современный русский литературный язык” в широком контексте истории русской культуры в целом».¹

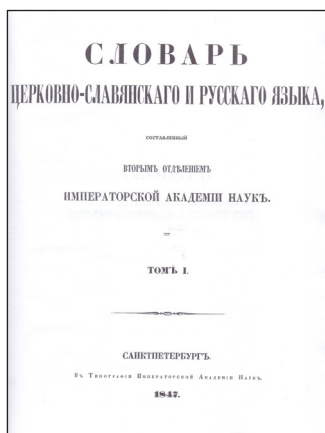

Рис. 4 / Fig. 4. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук (Т. 1. СПб., 1847) / Dictionary of Church Slavonic and Russian, compiled by the Second Section of the Imperial Academy of Sciences (Vol. 1. St. Petersburg, 1847).

Источник: Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. Репринтное издание. Кн. I. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2001.

¹ Щекин А. С. Предисловие к репринтному изданию 2001 года // Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. Репринтное издание. Кн. I. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2001. С. 8.

Другими лексикографическими проектами, в которые был активно вовлечён А. Х. Востоков, стали «Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской академии наук»² и «Дополнение к Опыту областного великорусского словаря».³ Это так называемые словари *областных речений*, подготовка которых входила в планы Императорской АН.⁴ В «Предисловии» к первому словарю говорилось: «...в конце 1845 года Отделение носилось с директорами училищ, приглашая их присылать областные слова, употребляемые в местах их дирекций».⁵ Программа этого словаря, сообщалось далее, написана академиком И. И. Срезневским, а «редактором собранных материалов избран был Отделением о<рдинарный> академик А. Х. Востоков».⁶ Самыми ценными материалами, вошедшими в Словарь, признаны собрание новгородских речений (1188 слов) Я. И. Бердникова и великорусских (3439 слов) И. И. Срезневского.⁷ Общее количество слов в изданном Словаре – 18011. В «Предисловии» отмечалось, что различается три «рода речений»: «первый род составляют слова, уклонившиеся от нормального употребления языка, нередко искажённые до крайности, или иноземные слова...; ко второму роду относятся слова, некогда принадлежавшие к общему языку народа и вытесненные из него другими, а уцелевшие в народе вместе с заветною прародительскою песнью, сказкой, пословицею; третьего рода слова родились вследствие понятий, образовавшихся от предметов окружающей человека при-

² Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской академии наук / ред. А. Х. Востоков. СПб.: В типографии Императорской академии наук, 1852. 275 с.

³ Дополнение к Опыту областного великорусского словаря / ред. А. Х. Востоков. СПб.: В типографии Императорской академии наук, 1858. 328 с.

⁴ Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской академии наук / ред. А. Х. Востоков. СПб.: В типографии Императорской академии наук, 1852. С. I.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

роды и от особенных занятий народа».¹ Далее говорилось, что в Словаре содержатся все три рода описанных речений. Более того, «в нём даже удержаны слова, обезображенные местным выговором, тем не менее подтверждающие определённые законы звуко сочетания».² Тут же поясняется, в чём заключались эти отклонения. Так, например, «в коломенском наречии Московской губернии сохранилось оправдание старинному говору, какой встречаем в письменных памятниках, именно[,] после согласной *к* в окончании имён гласные *я* и *ю* вместо *а* и *у*: *тятенькя, маменькя, чайкю, тарелочкю*».³

Замечательно, что составители Словаря не обошли стороной лексические факты, имевшиеся в памятниках письменности, в частности – в «Слове о полку Игореве», где есть элементы живой речи, например: *кóмонь, усóбица, шолóмья, кричать по-лебединому* и др.⁴

В круг слов вошли северные и южные – олонечские и костромские, вологодские, смоленские и тверские, новгородские, рязанские, калужские, пензенские, орловские, воронежские, тобольские томские, иркутские и т. д. Авторы старались как можно полнее представить географию диалектных речений. Интересно, что отдельные «доставлены Отделению слова, употребляемые жителями российских американских колоний, камчатского и охотского управлений...»⁵

Словарные статьи краткие. Они содержали минимум грамматических помет и основные значения. Важно, что приведены примеры употребления лексем. Например: «ВЗДЫХАЛЬНИКЪ, а, с. м. Пирогъ изъ гороховой муки. *Што сдыишишь чижелò, аль вздыхальниковò объѣлся*. Олон»⁶; «ДОТОРЫКАТЬСЯ, гл.

об. сов. Добудиться. *Такò заспался, что и не доторыкаешься*. Симб.».⁷

Составители понимали высокий смысл работы по сбору и систематизации областной лексики и писали, что Словарь «обращает нас к патриархальному быту поселян наших и сближает нас с ними. Прислушиваясь к народному языку, мы отыскиваем в нём сокровища, пережившие целые столетия. В крестьянских избах, где сохранились и песни, и сказки, и пословицы наши, сбережены от всегубительного времени и многие драгоценные слова. Областные наречия служат также убедительнейшим доказательством, что язык как живой организм беспрестанно изменяется и что лишь только в словаре и грамматике гибкие формы живой речи крепнут и упрочиваются для потомков».⁸

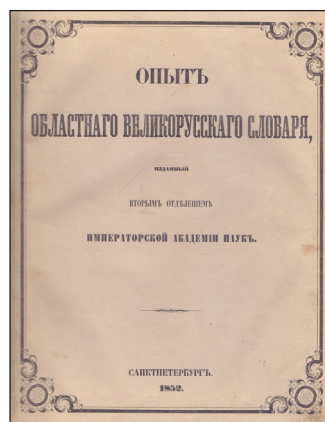

Рис. 5 / Fig. 5. Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской академии наук (СПб., 1852). Подлинная обложка / An Experiment in a Regional Great Russian Dictionary, published by the Second Section of the Imperial Academy of Sciences (St. Petersburg, 1852). Original cover

Источник: из собрания автора статьи.

В «Дополнении к Опыт...» работа по приумножению лексикона областными речениями была продолжена. Встречаются в нём и устойчивые сочетания: *колóм тя в горло (колóм тя по горлу)* – «бранное

¹ Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской академии наук / ред. А. Х. Востоков. СПб.: В типографии Императорской академии наук, 1852. С. II.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. III.

⁵ Там же. С. XII.

⁶ Там же. С. 25.

⁷ Там же. С. 49.

⁸ Там же. С. IV.

выражение тому, кто кричит»¹, и любопытные местные ономастические наименования жителей типа *макарѣвскій нищій* – «шпынъ, нищій, неотвязчивый, назойливый, макарыга. Твер. *Остаиш.*»².

Таким образом, систематическая деятельность Императорской академии наук по поиску и комментированию народной речи продолжалась и всё более приобретала целенаправленный характер. И учёные, и образованное общество понимали, что важно провести каталогизацию и сохранить исчезающие фрагменты языковой картины мира, сделать их достоянием будущих исследователей.

Лингвистическое источниковедение и история славянских языков

А. Х. Востоков внёс существенный вклад в изучение памятников письменности. Можно сказать, он стоял у истоков научного славяноведения, которое в XIX в. понималось прежде всего как сравнительно-историческое исследование документов древних эпох. Начал он эту работу фактически один в России, когда только поднимались первые ростки нового направления. И сразу обратил на себя внимание широтой, глубиной и точностью наблюдений над славянскими языками. Главные свои идеи он выразил в работе «Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим онаго письменным памятникам» [2]. В ней он писал о том, что есть несколько этапов в становлении славянского языка: древний – это период с XI по XII вв., средний охватывал XV и XVI столетия, а позже «следует *новый* славянский, или язык печатных церковных книг» [2, с. 2]. Учёный показывал, как описывали в средневековых грамматиках славянский язык, какую при этом использовали терминологию [2, с. 5–7]. Он привёл принципиально важное наблюдение:

«Между тем видно по рукописям XIV даже столетия, что сей язык, на которой (так в тексте. – О. Н.) переложены библейские книги, был не только у сербов, как полагает Добровский, но и у русских славян, едва ли не в общенародном употреблении!» [2, с. 7]. Примечательно, что в отличие от своих современников А. Х. Востоков различал древнерусский и церковнославянский языки, говорил о разности диалектов славянских языков и подчёркивал, что «русские славяне издревле говорили *волость* вм. *власть*, *городъ* вм. *градъ*, *берегъ* вместо *брегъ* и пр.» [2, с. 7]. Хрестоматийные для нас факты о носовом характере юсовых гласных впервые были обнаружены также А. Х. Востоковым [2, с. 8–9]. Он говорил об особенном «русском диалекте» и называл его приметы: употребление *оже* вместо *еже*, *аже* и *аче* вместо *аще* и др. [2, с. 13]. Впервые учёный засвидетельствовал, что отделение русского языка от церковнославянского произошло с XIV в., «и русский язык с того времени берёт на себя отличный от прежнего вид из *древнего русского*, на каком писаны Правда Ярославова, Поучение Мономахово и Слово о полку Игореве, делается *средний* русский – язык Судебника и Уложения, уступивший наконец место новейшему русскому языку XVIII столетия» [2, с. 13]. В споре с Й. Добровским А. Х. Востоков отстаивает разделение славян по данным их языков и диалектов на три ветви: западную, восточную и южную [2, с. 14–15]. Он подробно описал в разделе «Особенности древнего славянского языка» признаки вокализма, образцы склонения имён прилагательных, «несуществование деепричастия», выросшего из форм причастия, и др. Завершает эту работу А. Х. Востоков такой высокой по смыслу интонацией: «Какому бы диалекту первоначально ни принадлежал язык церковных славянских книг, он сделался теперь как бы собственностью россиян, которые лучше других славян понимают сей язык и более других воспользовались оным для обогащения и для очищения собственного своего народного диалекта» [2, с. 27].

¹ Дополнение к Опыту областного великорусского словаря / ред. А. Х. Востоков. СПб.: В типографии Императорской академии наук, 1858. С. 85.

² Там же. С. 108.

А. Х. Востоков занимался описанием и систематическим обозрением рукописей, анализом их палеографии, происхождения, делал важные для лингвистики открытия, касавшиеся языка и стиля таких произведений. Фактически такие обзоры превращались в самостоятельные труды энциклопедического свойства, рассказывавшие читателям о книжной культуре. Таково было фундаментальное «Обозрение русских и словенских рукописей Румянцевского музеума» [3]. В нём встречаются интересные лингвистические находки. Так, А. Х. Востоков упоминал «Словарь географический и исторический к Истории Российской Татищева», авторство которому приписывал И. Н. Болтину. Учёный отмечал в этом источнике богатство представленности топонимической лексики, местные слова, лексемы, обозначающие должности, указывал на ошибки (вместо *исполчиться* – *исплечиться*) [3, с. 591]. Знаменитый славист не только комментировал особенности письма, но и воспроизводил отдельные тексты с сохранением всех надстрочных знаков и сообщением историко-культурной информации о событиях, описанных в документах [3, с. 628–629]. Делая обзор рукописи XVII в. «Наука о конском заводе», А. Х. Востоков подметил: «В сочинении сем к словенорусскому языку XVII в. примешано множество польских слов, что и показывает, как кажется, перевод с польского» [3, с. 401]. При анализе рукописи XVIII в. «Наука счастливым быть» учёный обратил внимание на поэтику произведения: «Сочинитель преподаёт превосходные наставления житейской философии, приправленные занимательными анекдотами, от чего, по-видимому, книга сия в своё время имела много читателей» [3, с. 403]. А. Х. Востоков сообщал о переделке переводчиком Сергеем Волчковым некоторых мест рукописи для русских читателей [3, с. 403]. В «Обозрении...» в большом количестве представлены деловые документы, прежде всего грамоты, арифметика XVII столетия, «Артикулы воинские...»,

алфавиты, статейные списки и другие ценные источники.

В. И. Срезневский сообщил такие факты о работе А. Х. Востокова со старинными текстами: «Над описанием рукописей Румянцевского музеума трудился Востоков 10 лет, с 1824 по 1834 г., но напечатано оно не прежде как в 1842 году и составило огромный том в 804 страницы в 4-ку. В следующем за тем 1843 году вышло Остромирово евангелие, с приложением греческого текста и с грамматическими объяснениями, изданное Востоковым» [1, с. 47].

Надо сказать, что до А. Х. Востокова «Остромирово Евангелие» было известно просвещённой публике. Им занимались А. Н. Оленин, А. И. Ермолаев, Н. М. Карамзин и др. Но первое научное издание этого драгоценного памятника принадлежит великому слависту, служившему в Отделе рукописей Императорской публичной библиотеки. Среди открытий учёного было и такое: он доказал, что «Остромирово Евангелие» по своему происхождению не принадлежало к памятникам областным, оно имело генетические связи с языком славянских народов и демонстрировало черты общего с ними языка того времени. Поражает палеографическая дотошность лингвиста, который опубликовал этот памятник, используя близкие к подлиннику шрифты. Постранично был помещён соответствующий греческий евангельский текст, даны лингвистический анализ и обширный словоуказатель.¹

В кратком очерке жизни и деятельности А. Х. Востокова Н. И. Греч уделил внимание историко-лингвистическим трудам учёного. Он по достоинству оценил его вклад в изучение церковнославянского языка и особенно «Остромирова Евангелия»: «Необыкновенно строгое критическое издание этой рукописи Востоковым воздвигло великолепный монумент древнему письменному славянскому языку и открыло новый, богатый

¹ Остромирово евангелие 1056–57 года: С приложением греческого текста и грамматического объяснения, издано А. Х. Востоковым. СПб.: В типографии Императорской академии наук, 1843. 324 с.

источник к его изучению. ... Это издание, вышедшее в свет в 1842¹ году, дало Востокову право на первое место в ряду европейских славянистов» [4, с. 12].

Грамматики А. Х. Востокова

В. И. Срезневский в «Заметках А. Х. Востокова о его жизни» сообщал: «В 1827 г. высочайше учреждённый комитет для рассмотрения учебных пособий поручил Востокову составить русскую грамматику для училищ, и он провёл три года над сочинением как сокращённой, так и пространной русской грамматики. Сокращённая его грамматика... напечатана 1-м изданием в 1831 году, а вторым, исправленным изданием в 1833. При шестом издании её она вновь пересмотрена сочинителем и короче изложена.... Пространная грамматика Востокова, в 1831 же году изданная, удостоена от Императорской Академии наук полной демидовской премии. Грамматика эта имела до 1848 года 7 изданий» [1, с. 46].

«Сокращённая русская грамматика» состояла из четырёх частей: первая рассказывала о словопроизведении, вторая – о словосочинении, третья – о правописании и заключительная – о слогуударении. Во «Вступлении» автор даёт определение термина *грамматика*: «руководство к правильному употреблению слов в разговоре и в письме» [5, с. 1]. Под словопроизведением учёный понимал то, «как составляются слова» [5, с. 2]. В его время ещё практиковали старую систему членения грамматики, потому здесь он рассказывал о разделении букв (!) на гласные, согласные и полугласные, о первообразных и производных словах. И далее А. Х. Востоков поместил краткий обзор частей речи. Интересно, что в разряде имён существительных он выделил три категории: *собственное, нарицательное, собирательное*. Приведём определение одной из категорий: «*Собственное*, которое даётся какому-нибудь предмету, для отличия его от

подобных, напр. *Александр, Москва, Волга*» [5, с. 4]. Учёный отметил наличие в языке существительных общего рода типа *сирота, ровня, плакса* [5, с. 5]. Не отрицал он бытования звательного падежа, который показывал «имя предмета, к которому обращена речь: напр. *ученик!* Будь прилежен; *дети!* Слушайтесь родителей и наставников» [5, с. 6].

В обзоре характеристик имени прилагательного А. Х. Востоков выделил разряды этой части речи: *качественное, притяжательное, относительное, числительное, действенное*. Последнее, писал он, иначе называется *причастием* [5, с. 15]. Имя числительное вошло в раздел о прилагательном [5, с. 18]. Учёный также уделил особое внимание склонению «количественных прилагательных» [5, с. 21–23].

Далее следовали главы о местоимении, глаголе, наречии, предлоге, союзе и междометии. Любопытное определение он дал последней части речи: «Междометие есть разряд слов, вставляемый между словами для выражения внезапных ощущений» [5, с. 53].

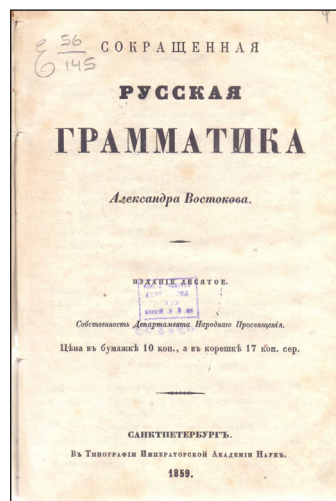

Рис. 6 / Fig. 6. Сокращённая русская грамматика Александра Востокова (СПб., 1859). Титульный лист десятого издания / Abridged Russian Grammar by Alexander Vostokov (St. Petersburg, 1859). Title page of the tenth edition

Источник: из собрания Российской государственной библиотеки.

¹ Опечатка в статье Н. И. Греча. На самом деле книга была издана в 1843 г.

Вторая часть «Сокращённой русской грамматики» посвящена словосочинению, которое показывает «правила, по коим совокуплять должно слова в речи» [5, с. 54]. Т. е. здесь автор даёт обзор синтаксических категорий. Их характеристики, несмотря на отдалённость от современной теории, всё же заслуживают внимания как логический комментарий: «Речь есть соединение слов, выражающее мысли вообще... Но когда речь ограничивается выражением одной мысли, тогда она называется *предложением*» [5, с. 54]. Вводятся категории подлежащего и сказуемого, простого и сложного предложений, придаточных и т. д. Говорится о согласовании слов в предложении и об управлении слов. А. Х. Востоков обсуждает в этой части составление периодов, под которыми он понимал «выражение умозаключения» [5, с. 73], и знаки препинания.

Примечательно, что в терминологии А. Х. Востокова встречается понятие *знак удивительный* [5, с. 77], типичное для XVIII в. Длинное тире, которым обозначается пропуск слова, он называл *знаком мыслеотделительным*. Его используют, например, в таком случае: «При опущении какого-либо слова; напр. *один шаг – и ты пропал!*» (т. е. *один шаг сделай: и ты пропал!*). *Что есть слава мира сего? – суета* (т. е. *слава мира сего есть суета*)» [5, с. 77]. Ещё три старинных термина мы нашли в этой части: *знак пресекательный* – «ставится, когда речь бывает прервана; напр. *мне надлежало идти, но... я невольно остановился*»; *вместительный знак* (или *скобки*) показывает, по А. Х. Востокову, «вводное предложение или одно слово, присовокупляемое к другому для изъяснения оногo; напр. *Рынды (телохранители) окружали Царя*»; *вносный знак* (кавычки) отличает «чужие слова, приводимые в речи» [5, с. 78].¹

В правописании слов А. Х. Востоков особенно подробно остановился на букве «ять», отметив её совершенную схожесть с *е* [5, с. 80]. Он разъяснял, что «буквою

ѣ начинаются только два семейства слов, а именно глаголы: *ѣду, ѣхать, ѣзжу, ѣздить; ѣмъ, ѣсть* с их производными» [5, с. 80]. Далее учёный поместил перечень тех «коренных слов», в которых пишется *ѣ* [5, с. 80–83].

Интересен раздел, рассказывающий об употреблении «букв по месту их». Речь идёт о правописании строчных и прописных литер. А. Х. Востоков учил, что прописная буква пишется «в начале каждого периода», «в начале каждого стиха», «в именах собственных», в названиях морей, рек, городов и т. д., в наименованиях праздников (*Рождество Христово, Великий пост, Страстная неделя*) [5, с. 87–88]. А в нарицательных именах прописная буква, по мнению учёного, должна употребляться в словах, означающих божество, святых угодников, «духов добрых и злых»: *Бог, Господь, Творец, Спаситель, Богоматерь, Ангел*. Здесь он сделал такое примечание: «Когда нарицательные *Бог, Ангел* берутся в переносном смысле, тогда пишутся строчною буквою; напр. *Цари суть земные боги. Меркурий был бог торговли. Верный друг бывает нашим ангелом-хранителем*» [5, с. 88]. Кроме этого, как отмечал А. Х. Востоков, с прописной буквы следовало писать «титла, чины и должности лиц разного звания», «вероисповедание и народное имя людей» (*Христианин, Магометанин, Россиянин, Немец*), «правительства и места судебных, общества и сословия» (*Государство, Правительство, Сенат, Департамент, Дворянство, Купечество*), в прилагательных и местоимениях, имеющих отношение «к Богу, к Его угодникам, к Государю и к высоким особам, о коих говорят с почтением» (*Всевышний, Святой, Преподобный, Всемилостивейший, Высочайший, Великий*), «в письмах к равным особам», когда используется местоимение 2-го лица (*Вы, Вас, Вам*) «для оказания почтительности» [5, с. 88–89]. Эта часть показательна с точки зрения того, какие изменения произошли в орфографии в последующий период.

¹ Мы сохраняем здесь знаки препинания подлинника.

Четвёртая часть «О слогуударении» обучала правилам орфоэпии и акцентуации. А. Х. Востоков указывал и на такие примеры, когда «предлоги, обыкновенно произносимые без ударения, в некоторых случаях берут на себя ударение слов, за ними следующих: *на* берег (см. на *бе́рег*), *по* берегу (вм. по *бе́регу*), *за* угол (вм. за *у́гол*)...» [5, с. 93–94]. Отдельные эпизоды, приводимые учёным, свидетельствуют о том, что в его время была употребительна другая норма, ныне не используемая: «Отрицательное наречие *не* таким же образом берёт на себя ударение с первого слога глаголов прошедшего времени и причастий страдательных, напр. *не́* брал, *не́* брали, *не́* взят, *не́* взяты» [5, с. 94]. Примечательно и такое наблюдение автора книги: «Также лишены ударения глагол безличный *было* и союзы двусложные, разделительный *либо*, условные *буде*, *коли* и противительный *таки*» [5, с. 94]. Данный раздел, на наш взгляд, заслуживает более подробного рассмотрения и сравнительных характеристик: по сути, А. Х. Востоков зафиксировал нормы *живого* языка первой половины XIX в., тогда как его современники, в частности Н. И. Греч, придерживались более консервативных взглядов [6].

Полная «Русская грамматика» А. Х. Востокова – один из первых фундаментальных трудов, предназначенных для учебных целей. Как и в «Сокращённой русской грамматике», здесь четыре части, но изложенные более обстоятельно с прибавлением новых примеров. В начале автор писал, что есть два типа грамматик: *всеобщая* и *частная*. «Русская грамматика» призвана «учить правильно говорить и писать по-русски» [7, с. 1]. Этой цели и придерживался учёный. Мы не будем излагать содержание полной версии, но отметим встретившиеся нам отличия. Прежде всего это обилие словесного иллюстративного материала и подробных комментариев. Так, рассказывая о родовых характеристиках имён существительных, А. Х. Востоков не преминул пояснить следующую деталь: «Предметы духовные представляем

мы себе *человекоподобными*; а потому все правила, относящиеся к именам людей и животных, предметов одушевлённых, относятся также к именам духовных предметов» [7, с. 13].

В комментариях лингвиста мы находим интересные наблюдения, связанные с народно-бытовой и даже фольклорной жизнью слова. Он подметил такую особенность: «Ласкательные окончания придаются также именам любимых животных; напр. *коровушка*, *лошадушка*; и даже именам неодушевлённых и отвлечённых предметов, когда об оных говорится с особенною приязнию; напр. *рученька*, *ноженька*, *травушка*, *зорюшка*, *волюшка*, *неделюшка*» [7, с. 19].

Рис. 7 / Fig. 7. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращённой грамматики полнее изложенная (СПб., 1831). Титульный лист первого издания / Alexander Vostokov's Russian Grammar, based on his abridged grammar, more fully presented (St. Petersburg, 1831). Title page of the first edition

Источник: из собрания Российской государственной библиотеки.

В отдельных примерах А. Х. Востоков давал краткие отсылки к латинскому и древнегреческому языкам, говорил о происхождении некоторых явлений. Например, при характеристике склонения местоиме-

ний он писал, что «сие окончание [самоѣ], принадлежащее просторечию, заменяется в церковнославянском языке окончанием: самую» [7, с. 95]. При описании деепричастий учёный обратил внимание на то, что «окончание» -учи (*пишучи, читаючи*) «принадлежит особенно просторечию» [7, с. 121]. В изложении материалов о глаголе славист сделал такое пояснение: «В церковном словенском и старинном русском языке неопределённое наклонение всех различий оканчивается на *и* вместо нынешнего *ь*: чита*ти*, ходи*ти* и пр.» [7, с. 125].

Любопытно востокосское деление восклицательных междометий на 21 группу: от «изображающих удивление» (*а!* *ах!*), одобрение, уверение, подтверждение, отказ, зов... до демонстрирующих благодарность (*спасибо!*), указание (*се, вот, вон*), угрозу, укоризну, отвращение, негодование, боязнь и т. д. [7, с. 220–221]. Мы видим на этих примерах, что категориальные признаки междометий были ещё нечётко обозначены, но приводимая автором классификация показывает богатство экспрессии *живого* русского языка.

В «Русской грамматике» А. Х. Востокова действительно немало полезных примеров, как нужно правильно излагать свои мысли, сочинять предложения, какие использовать формы и пр. Причём автор в некоторых случаях показывал стилистические различия в употреблении тех или иных грамматических маркёров, например: «Местоимение 1-го и 2-го лица обыкновенно опускается, будучи заменяемо личным окончанием глагола; но для большей выразительности иногда прибавляют и местоимение, в каком случае оно ставится в начале предложения пред звательным падежом; напр. *Ты, Господи, просвети нас! Вы, дети, слушайтесь!*» [7, с. 333].

Интересные наблюдения приводил А. Х. Востоков, когда давал характеристику «звукоизменений». Так, он полагал, что «перемена *ч* на *ш* перед *н* в некоторых словах» есть признак просторечия, например: *грешневый, табашный* (вм. гречневый, табачный), *башмашник, чулошница* (вм. башмачник, чулочница)» [7, с. 359].

Как можно заметить даже из такого фрагментарного обзора «Русской грамматики», её автор в описании законов русского языка стремился выйти за рамки учебного поручения и сделать свой труд интересным, в чём-то даже познавательным для *юных* читателей: рассказать им об истории родного языка, ввести элементарные сведения по компаративистике, продемонстрировать различия между нормированным литературным языком и просторечием. Это был существенный шаг вперёд по сравнению с логико-философскими грамматиками, определивший дальнейшее развитие лингвистической мысли в сторону сравнительно-исторического языкознания. Данное направление в учебной практике наиболее ярко выразилось в книге Ф. И. Буслаева «Преподавание отечественного языка».¹

Н. И. Греч так писал о грамматиках А. Х. Востокова: «Сокращённая Грамматика русская уступает другим сочинениям Александра Христофоровича по той причине, что он сам никогда не бывал преподавателем, следственно не был знаком с требованиями и приёмами школы. В подробной же его Грамматике много дельных, метких, глубокомысленных наблюдений, которые потом были приняты и другими учебниками» [4, с. 13]. Стоит заметить, однако, что и «Сокращённая русская грамматика» в том виде, в котором мы её описали, была далеко не формальным трудом. В ней чувствуются авторская интонация, неподдельный интерес к языку как культурному событию. А. Х. Востоков включил в издание описание явлений живой речи. Наряду с традиционными взглядами учёных его времени на предмет грамматики, которых лингвист в целом придерживался, он творчески подошёл к осмыслению реальной языковой ситуации XIX в. К тому же книга легка в освоении. В ней были помещены удобные для изучения таблицы, в которых собраны основные правила грамматики родного языка.

¹ Буслаев Ф. И. Преподавание отечественного языка: учебное пособие для студентов пед. институтов по спец. «Рус. яз. и лит.». М.: Просвещение, 1992. 512 с.

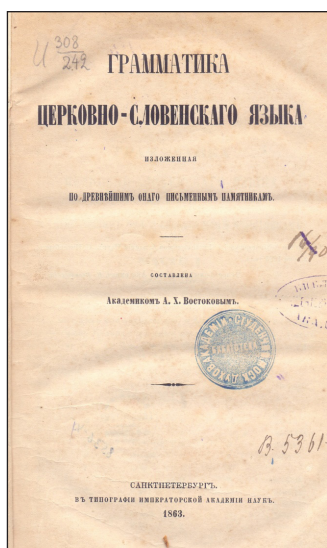

Рис. 8 / Fig. 8. Грамматика церковно-словенского языка, изложенная по древнейшим онаго письменным памятникам. Составлена академиком А. Х. Востоковым (СПб., 1863). Титульный лист / A grammar of Church Slavonic, based on its oldest written sources. Compiled by Academician A. Kh. Vostokov (St. Petersburg, 1863). Title page.

Источник: из собрания Российской государственной библиотеки.

А. Х. Востоков был также автором «Грамматики церковно-словенского языка, изложенной по древнейшим онаго письменным памятникам» [8]. В этом труде он выразил свои историко-лингвистические чаяния. Учёный подготовил систематический курс для занятий в гимназиях, духовных училищах и академиях. В нём он рассказал основные факты церковнославянского языка, охарактеризовал части речи и грамматические категории, привёл разнообразные примеры из древних текстов и подошёл творчески к изложению стандартных правил. В начале книги А. Х. Востоков подробно разбирал алфавит и особенности правописания, надстрочные знаки, сокращения и т. д. Учёный различал четыре главных языка церковнославянской письменности, которая использует кирилловские буквы:

«1. Собственно церковно-словенский, на который первоначально переведены с

греческого церковные книги, – какому бы народу ни принадлежал... Древнейший памятник, в котором сохранился сей язык, есть Остромирово Евангелие, хотя оно писано не без примеси болгарского и русского.

2. Болгарский.

3. Сербский.

4. Русский.

Сии последние три языка, приняв церковнославянские книги, переделывали оные более или менее по-своему, в рассуждении формы слов и употребления букв» [8, с. 9–10].

Далее он описывал свойства каждого из языков. Говоря о русском изводе церковнославянского, А. Х. Востоков подметил, что в нём не использовались носовые звуки, обозначавшиеся юсами, и поэтому они заменялись в практике буквами ОУ и Ю. Здесь же звучит термин «новгородское наречие», которое отличалось от русского языка того времени (мы сразу заметим, что слово *русский* употребляем в том смысле, в котором его понимал А. Х. Востоков). К таким признакам этого наречия он отнёс, например, замену *ы* в родительном и винительном падежах гласными *ѣ* и *ѵ* [8, с. 12].

Не раз в качестве примеров к иллюстрации грамматических явлений, в частности, при характеристике превосходной степени имён прилагательных, А. Х. Востоков приводил фрагменты из «Остромирова Евангелия» и давал греческие параллели [8, с. 39].

Замечательны добавления автора к основному тексту грамматики. Его рассуждения о том, что «церковнославянское АЗЪ из нынешних славянских наречий осталось только в болгарском», как оно переменилось в других языках [8, с. 52], весьма познавательно и сейчас, тем более что мы встречаем обе формы в текстах более позднего времени.

«Грамматика церковнославянского языка...» – не учебная книга для зубрёжки правил, а настоящий исследовательский труд, показавший учёного знатоком источниковедения (десятки выписок из разных источников). Он охарактеризовал отличия южнославянских текстов от восточно-

славянских, показал исторические черты, проявившиеся в родном языке в более позднее время, не разъединял культурную традицию церковнославянских древностей с живым говором. Приведём такой пример: «Введённое в нынешний русский книжный язык усугубление *н* в полном окончании причастия страдательного прошедшего вр<емени>, например *дѣланный*, *несенный* и проч., в церковнославянском не существовало; так писалось *дѣланный*, *несенный*, как в простонародном русском» [8, с. 80].

Весьма интересны семантические признаки «окончаний» имён существительных, которые А. Х. Востоков соотносил с социальным статусом: «Окончание *ник* в старинном русском, между прочим, присвоено было купцам, посещавшим какие-либо страны: *грѣчникѣ*, *залозникѣ*, *жукотникѣ*...

Окончание *чий* означало занимающегося каким-либо ремеслом или делом: *книгѣчи*, занимающийся книгами; *шарѣчи*, красильщик; *жегѣчи*, истопник; *обливѣчи*, банщик; *дѣмѣчи*, раздувальщик мехов; *сѣреброклепѣчи*, среброковачь; *кормчи*, управляющий кормом.

Окончание *щина*, произведенное от прил<агательного> *скый*, служило в старинном русском к означению какого-либо происхождения или эпохи: ...батыевщина... едигеевщина была...» [8, с. 101].

А. Х. Востоков приводил в учебнике и колоритные наблюдения над антропониимом. В частности, писал, что «славяне часто переделывали по-своему иностранные имена собственные» (*Георгий* – *Юрий*, *Юрята*, *Гурята*, *Гургята*) [8, с. 101].

Таким образом, стандартное учебное пособие выполняло более высокую функцию: оно *просвещало*, *вдохновляло* и *обогащало* читателей знаниями о духовной сущности языка, связывало его прошлое с настоящим, интеллектуально развивало учеников, погружало в то книжное богатство, которое нам досталось от прежних времён. Под пером А. Х. Востокова история церковнославянского языка оживала в рукописях и звучала в каждом слове.

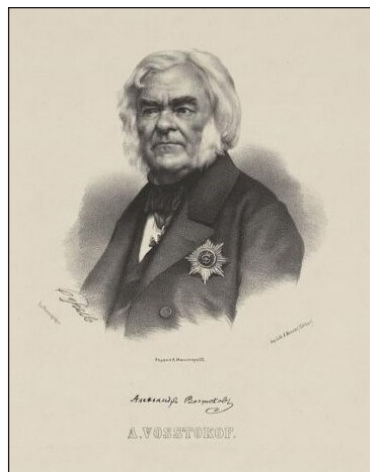

Рис. 9 / Fig. 9. Академик А. Х. Востоков.

Изд. Münster. XIX в.

Источник: Государственный исторический музей [Электронный ресурс]. URL: <https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/2272092?artist=631719908&index=3> (дата обращения: 09.02.2026).

Заключение

А. Х. Востоков-филолог, может быть, в чём-то и провидец автобиографично высказался о своей судьбе, в которой было много испытаний. Но главное в жизни он прошёл безупречно: занимался любимым делом и стал первым славистом-энциклопедистом среди учёных его поколения; нигде не оскандалился, в частной и домашней биографии представлял «нам умильный пример добродетели, кротости и смиренномудрия» [4, с. 15]; был скромным и трудолюбивым на научном поприще, чем заслужил уважение коллег и учеников; постоянно преодолевал трудности, вызванные физическим недугом (он заикался и потому, например, не мог преподавать) и отдалявшие его от светской жизни – это укрепило и возвысило нрав А. Х. Востокова, который обрёл счастье в книгах, рукописях, возбуждавших его одухотворённый ум. Филологические искания учёного были столь разнообразны и нетривиальны, что позволило даже его современникам признать в нём выдающиеся способности.

Поэтический дар А. Х. Востокова – ещё одна грань его творчества – выразил его отношение к жизни и ремеслу, в котором

находим немало поучительного. И в этом смысле имя почтенного слависта для нас образец стойкого лингвистического мировоззрения, от которого он никогда не отступал. В стихотворении «Парнас, или Гора изящности» (апрель 1801 г.) А. Х. Востоков так определил своё предназначение:

*В ком есть желанье, всяк способен
Возвысить дух свой, просветить
Свой разум. Пашне он подобен,
Могущей всё произрастить,
Когда приложит пахарь руку.
Терпением стяжай науку,
Которой ты себя обрек.
Счастливейший на свете гений,
Уснув в вертепе вредной лени,
Парнаса не достигнет век.¹*

В этом символическом признании и есть жизнеутверждающая сила его мыслей, трудов и поступков. И всё же нам кажется, что А. Х. Востоков-лингвист ещё не раскрыт – слишком много в нём

«исканий», нереализованных идей, набросков будущих статей и, возможно, книг. Перефразируя известное выражение В. А. Звегинцева о В. фон Гумбольдте, мы сейчас то же самое можем отнести и к А. Х. Востокову: «В. Гумбольдт (читаем: А. Х. Востоков. – О. Н.) занимает в науке о языке совершенно особое место. Выдвинув оригинальную концепцию природы языка и подняв ряд фундаментальных проблем, которые и в настоящее время находятся в центре оживлённых дискуссий, он, подобно непокорённой горной вершине, возвышается над теми высотами, которых удалось достичь другим исследователям» [9, с. 356]. Время осмысления и должного возвышения А. Х. Востокова настало. С него начинается историческое языковедение И. И. Срезневского, Ф. И. Буслаева и А. А. Шахматова. Последний, кстати, родился в год смерти А. Х. Востокова и перенял у него эстафету лингвистического знания. Будем помнить филологический призыв учёного: «Терпением стяжай науку...»

ЛИТЕРАТУРА

1. Срезневский В. И. Заметки А. Х. Востокова о его жизни. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1901. 114 с.
2. Востоков А. Х. Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим онаго письменным памятникам // Филологические наблюдения А. Х. Востокова / изд. И. Срезневский. СПб.: В типографии Императорской академии наук, 1865. С. 1–27.
3. Востоков А. Х. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума, составленное А. Востоковым. СПб.: В типографии Императорской академии наук, 1842. 899 с.
4. Греч Н. И. Памяти Александра Христофоровича Востокова. 2-е изд., испр. СПб.: В типографии Императорской академии наук, 1864. 15 с.
5. Востоков А. Х. Сокращённая русская грамматика Александра Востокова. 10-е изд. СПб.: В типографии Императорской академии наук, 1859. 100 с.
6. Греч Н. И. Практическая русская грамматика, изданная Николаем Гречем. 2-е изд., испр. СПб.: В типографии издателя, 1834. 526 с.
7. Востоков А. Х. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращённой грамматики полнее изложенная. СПб.: В типографии И. Глазунова, 1831. 408 с.
8. Востоков А. Х. Грамматика церковно-словенского языка, изложенная по древнейшим онаго письменным памятникам. СПб.: В типографии Императорской академии наук, 1863. 136 с.
9. Звегинцев В. А. О научном наследии Вильгельма фон Гумбольдта // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. 2-е изд. М.: Прогресс, 2000. С. 356–362.

REFERENCES

1. Sreznevsky, V. I. (1901). *Notes by A. Kh. Vostokov on His Life*. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences (in Russ.).

¹ Востоков А. Х. Стихотворения [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/w/wostokow_a_h/text_0020.shtml (дата обращения: 09.02.2026).

2. Vostokov, A. Kh. (1865). Discussion on the Slavic Language, Serving as an Introduction to the Grammar of This Language, Compiled on the Basis of Its Most Ancient Written Monuments. In: *Philological Observations of A. Kh. Vostokov*. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, pp. 1–27 (in Russ.).
3. Vostokov, A. Kh. (1842). *Description of Russian and Slovenian Manuscripts in the Rumyantsev Museum, Compiled by A. Vostokov*. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences (in Russ.).
4. Grech, N. I. (1864). *In Memory of Alexander Khristoforovich Vostokov*. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences (in Russ.).
5. Vostokov, A. Kh. (1859). *Abridged Russian Grammar of Alexander Vostokov*. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences (in Russ.).
6. Grech, N. I. (1834). *Practical Russian Grammar, Published by Nikolai Grech*. St. Petersburg: Printing House of the Publisher (in Russ.).
7. Vostokov, A. Kh. (1831). *Russian Grammar of Alexander Vostokov, More Fully Presented According to the Outline of His Abridged Grammar*. St. Petersburg: Printing House of I. Glazunov (in Russ.).
8. Vostokov, A. Kh. (1863). *Grammar of the Church Slavonic Language, Based on Its Earliest Written Monuments*. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences (in Russ.).
9. Zvegintsev, V. A. (2000). On the Scientific Heritage of Wilhelm von Humboldt. In: Humboldt, W. von. *Selected Works on Linguistics*. Moscow: Progress publ., pp. 356–362 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Никитин Олег Викторович (г. Москва) – доктор филологических наук, профессор кафедры славистики, общего языкознания и культуры коммуникации Государственного университета просвещения; ORCID: 0000-0003-2815-6691; e-mail: olnikitin@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg V. Nikitin (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Slavonic Studies, General Linguistics and Culture of Communication, Federal State University of Education; ORCID: 0000-0003-2815-6691; e-mail: olnikitin@yandex.ru